

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

3

«Каждый мерит мир собственной душой»

**Дневник С.А. Кондратьева,
участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию
1923 - 1926**

**Москва
2000**

Содержание

ББК 63 2; 22 18 Б45	От редакции	4
	К моей тетради	7
Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев, Р.Б. Рыбаков (председатель), И.М. Стеблин- Каменский, А.А. Столяров (секретарь), М.А. Усманов	Предисловие О научном наследии и творческой личности С.А. Кондратьева	8
Б45 Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 3: «Каждый мерит мир собственной душой»: Дневник С.А. Кондратьева, участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию (1923 – 1926). — М.: Инсти- тут востоковедения РАН, 2000. — 281 с. ISBN 5-89282-110-2	Путевой дневник С.А. Кондратьева:	
	1-я книга (1923 - 1924 гг.)	29
	2-я книга (1924 - 1925 гг.)	156
	Примечания к 1-й книге	250
	Примечания ко 2-й книге	261
Издание подготовлено Д.Д. Васильевым и И.В. Кульганек. Рецензенты: С.Г. Кляшторный, Н.П. Шастина. Компьютерная верстка и макет: К.А. Котова. Фотография Х. Хорна	Приложение: П.К. Козлов Сокровища Монголии: Новые открытия Тибетской экспедиции	267
Издание “Бюллетеня” осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований	Аннотированный список имен, встречающихся в дневниках С.А. Кондратьева	272
ББК 63 2. 22.18 Б45	Библиография	279
ISBN 5-89282-110-2	Resume	281
© Институт востоковедения РАН, 2000 © Общество востоковедов РАН, 2000 © Д.Д. Васильев, 2000 (подготовка текста к изданию) © И.В. Кульганек, 2000 (предисловие, примечания, подготовка текста к изданию)		

Введение

Издание «Бюллетеня» Общества востоковедов при Российской Академии наук было начато в 1997 г. по решению Первого Всероссийского съезда востоковедов, который проходил в Элисте. Первоначально в «Бюллетенях» предполагалось публиковать материалы общероссийских и международных научных мероприятий, осуществленных при поддержке и участии Общества востоковедов при РАН. Кроме этого, в вышедших «Бюллетенях» публиковались информационные материалы по истории и научной деятельности востоковедческих научных, высших учебных и культурно-просветительных учреждений различных регионов России. Сам характер такой общественной организации как ОБ РАН предполагает также особое внимание к истории формирования востоковедческой отрасли в отечественной науке, освещение деятельности отдельных ученых, краеведов, просветителей. Далеко не все из них оставили многотомное научное наследие и вклад отдельных исследователей в развитие знаний по истории, культуре и филологии народов Востока может быть очень скромным, но благодаря их подвижнической деятельности, неутомимым изысканиям был создан тот фонд полевых наблюдений, который приравнивается последователями к первоисточникам.

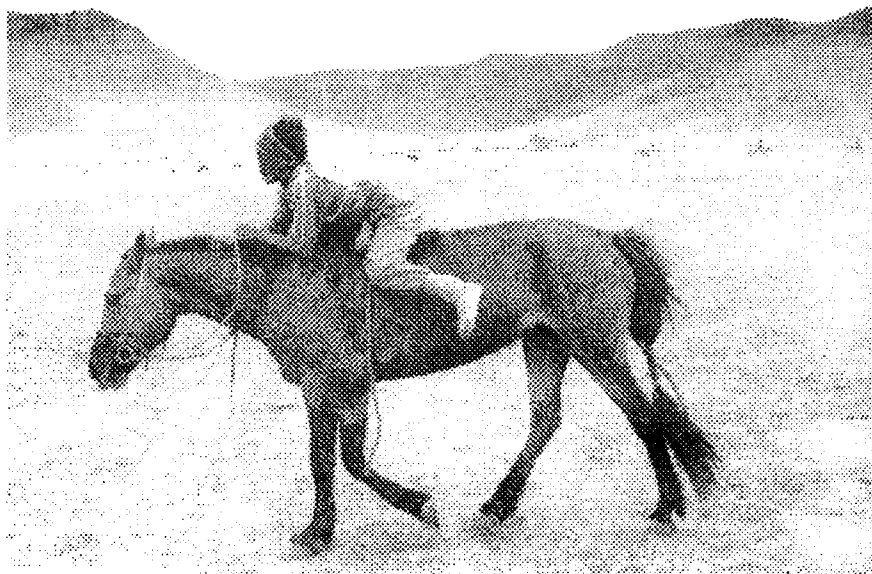
В связи со столетием Русского Императорского Общества востоковедов, которое отмечается в 2000 г., помимо информационных материалов о востоковедческих мероприятиях, мы начинаем публикации персоналий в виде биографических справок, полевых дневников, писем востоковедов и других материалов, которые имеют отношение не только к научной деятельности их авторов, но и дают представление о личности ученого и его жизненном пути.

Публикуемые в настоящем выпуске избранные страницы из рукописных дневников участника Монгольской экспедиции П.К. Козлова С.А. Кондратьева подготовлены к изданию Д.Д. Васильевым и И.В. Кульганек, которые в разное время имели возможность побывать в отдельных пунктах работы экспедиции, а также ознакомиться с теми материалами фольклорных и археологических полевых исследований, которые соответствуют экспедиционному периоду, отраженному в дневниках С.А. Кондратьева. Дневники, после кончины

С.А. Кондратьева, находились у известного монголоведа Н.П. Шатиной и были переданы ею впоследствии Д.Д. Васильеву для подготовки к публикации. Дневники были написаны карандашом, изобиловали сокращениями, условными пометками, своего рода криптограммами. Восстановление текста потребовало длительной работы и консультаций с коллегами. Кроме рукописных дневников, архив С.А. Кондратьева содержит фотографии, сделанные им в период экспедиции.

Экспедиция в Монголию (1923-1926 гг.) П.К. Козлова (1863-1935 гг.) - ученика и последователя великого русского путешественника Н.М. Пржевальского - оказалась последней в его жизни. Она подтвердила мировую славу удачливого ученого и археолога, которая пришла к нему после открытия древнего города Хара-хото (1908 г.). Сенсационная значимость археологических находок последней экспедиции состояла в том, что добытые материалы относились к одному из самых малоизученных периодов истории Центральной Азии - завоеваниям гуннов, (I в. до н.э. - I в. н.э.). Результаты раскопок дали возможность подойти с новыми идеями к изучению различных культур Востока и Запада.

Сергей Александрович Кондратьев - человек большой эрудиции и широчайшего научного кругозора - музыковед, археолог, фольклорист, автор нескольких научных и научно-популярных трудов, а в то время один из самых молодых участников экспедиции, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского Университета, был взят в экспедицию в качестве собирателя музыкального монгольского фольклора. Но, так сложилось, что он стал фактическим руководителем раскопок. Дневники его представляют собой увлекательное повествование о жизни монголов, их этнографии, культуре. Кроме того, они являются пока единственным письменным свидетельством, предлагаемым читателю, где раскрывается обстановка, которая сложилась вокруг экспедиции. Дневники позволяют взглянуть на внутреннюю жизнь экспедиции, показать межличностные отношения ее участников с точки зрения тонкого, умного, прозорливого и глубоко чувствующего человека, каким был С.А. Кондратьев. Дневники легко и с большим интересом читаются, рассчитаны на археологов, историков, монголоведов, а также на самые широкие слои читателя.

Фотография Х. Хорна

К моей тетради

Люблю тебя, мой друг безмолвный,
Твой скромный облик, переплет...
Мне грустно и приятно помнить,
Что друг меня переживет.

Во тьме библиотечной тины,
Через многие десятки лет
Тебя найдет неутомимый
Испытанный архивовед.

Он осторожными руками
Раскроет черный переплет,
Угасшие переживанья
Скептической душой вдохнет.

И верный тягостному долгу.
Оттиснув номер и печать,
На предназначенную полку
Поставит ветхую тетрадь.

Но, может быть, в осенний вечер,
Иль в дождь, или когда-нибудь
Склонятся над тобою плечи,
И легкий взор начнет свой путь

По разлинованным страницам,
Следя за сумрачным стихом.
И хрупко будут шевелиться
Листы под медленным перстом.

Но вскоре шелест равномерный
Исчезнет в краткой тишине,
И ты, читатель мой неверный,
Задумаешься обо мне.

Твоя душа внезапным светом
Затмит житейский карнавал.
Откликнувшись глухим приветом
На отзвучавшие слова.

С.А. Кондратьев. Весна в Кентэе

ПРЕДИСЛОВИЕ

О научном наследии и творческой личности С.А. Кондратьева

Безграничные степи, причудливые очертания сопок, лаконичная и суровая природа, древняя кочевая история и культура аборигенов, отличная от европейской - все это Монголия, которую называют сердцем Азии. Именно она составляла большую часть Великой степи, протянувшейся от Причерноморья до Амура – с запада на восток. А от Южной Сибири до Гималаев – с севера на юг. По этим необъятным просторам двигались громадные массы народа, здесь осуществлялись их разнообразные контакты, создавалось единое культурно-историческое пространство.

Еще задолго до XII в. русские правители обращали внимание на войну и мир соседних мозаичных племен кочевников Великой степи, которые то воевали друг с другом, то входили целиком одним племенем в другое, то начинали называть себя именем одного из соседних племен, то роднились друг с другом, то вырезали нещадно своих соседей. Но, когда единое монгольское государство, созданное великим Чингис-ханом, заявило о себе как о мощном, прекрасно организованном военном, политическом и экономическом образовании, оно оказалось самым непосредственным образом связано с русской национальной историей. Контакты начались не только на уровне простолюдинов, которые существовали и раньше, и выражались в угоне скота, пленении жителей, увозе женщин и детей как рабочей и производящей силы. В Монголию впервые направляются посольства с княжескими дарами, купцы открывают торговые пути, по которым везут товары в новообразованное государство. Европейский мир узнает о монголах. Долгое время их называли «татарами». Это имя носило одно из

самых сильных монгольских племен того времени, которое кстати одержало верх над родом борджигитов, из которого происходил Чингис-хан. Род же «монгол» был тогда еще достаточно слаб. Название народу единого государства «монгол» дано было Чингис-ханом. Но оно не сразу получило распространение в мире.

Немало людей побывало в сердце монгольской империи - Золотой Орде. Разное время провели они там. Неодинаково складывались их биографии и судьбы. Некоторые из них, например, францисканские монахи: Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, оставили интереснейшие дневники о годах, прожитых там. Из русских путешественников в тех краях побывал В. Петлин. Он описывает интересные и неожиданные для современника стороны жизни, своеобразно воспринимая чужеземную культуру, нравы и обычаи.

После падения Великой Монгольской империи, вхождения ее в Китайское государство, которым управляли маньчжурские династии, утраты монголами воинской инициативы, возвращения к кочевничеству они сошли с мировой политической арены. Интерес к ним несколько упал и появился вновь в XIX в. в связи с российскими интересами на Востоке: Японии, Китае, Тибете. Этот период насыщен контактами с Монголией. Чрезвычайно поощрялось и стимулировалось развитие торговли. В труднейших условиях российские купцы внедряли свои товары в китайский рынок. Одним из таких подвижников был бийский купец В.В. Васенев. В Казани целенаправленно готовятся миссионеры, духовные наставники едут на Восток обращать неверных в христианство. Начинает свою деятельность Пекинская Духовная миссия.

С созданием Географического общества в Санкт-Петербурге в 1848 г., появляется возможность организовывать военно-географические экспедиции. Первыми такого рода путешественниками Российской империи были Н.М. Пржевальский, Вс.И. Роборовский, Б. Пестовский, а затем П.К. Козлов.

Ими были добыты ценнейшие материалы по истории, культуре, этнографии Центральной Азии.

П.К. Козлов начинает свою самостоятельную экспедиционную деятельность с 1897 г. Открытие им древнего города Хара-Хото потрясло научный мир. Современному человечеству предстала цивилизация, существовавшая в этих местах несколько веков назад. В 1907 г. он предпринимает не менее успешное путешествие в Тибет.

После провозглашения независимости Монголии в 1911 г. отношения Монголии и России поднимаются на новый уровень. В Иркутске создается кооперативный центр, филиалы которого появляются в Монголии, куда отправляются наши представители. Там создаются фактории по обменной торговле. Одним из них был Хангенцик на северо-западе Монголии, самой культурной ее части. Несколько лет провел там А.М. Бурдуков, сделавший очень много для отечественного монголоведения, работавший впоследствии в Петербургском университете на Восточном факультете, автор нескольких русско-монгольских словарей и многочисленных научных статей.

После экспедиции 1907-1911 гг. П.К. Козлова не оставила мечта опять побывать в Монголии. Но осуществить это он смог уже совсем в иной внутривосточной ситуации в России - в советский период, связанный с рядом мероприятий по налаживанию еще более тесных контактов с Монголией, не только в политико-экономическом, но и культурном отношении. В 1921 г. был создан в Монголии Ученый Комитет, куда стали направляться русские ученые и специалисты различного профиля. В Улан-Баторе создаются светские русские школы, укрепляются экономические связи, увеличивается присутствие русских в городах Монголии.

Экспедиция 1923-1926 гг., ставшая последней для П.К. Козлова и подтвердившая еще раз мировую славу гениального организатора, талантливого путешественника, стойкого и мужественного человека, была в организационном отношении

одной из самых трудных. В этом не последнюю роль сыграло прошлое Козлова: офицера царской армии, человека старорежимного, собравшего в свой отряд людей близких по духу, восприятию жизни, отношению к исследовательской миссии. Несмотря на то, что экспедиция не получила возможности выполнить весь свой намеченный план: дойти до Лхасы - сердца Тибета, и вынуждена была сосредоточить свои исследования на территории Монголии, и более того - близ Улан-Батора, П.К. Козлову удалось даже в таких жестких условиях выйти на интереснейшие памятники древней культуры кочевников-гуннов, территория государства которых в I в. до н.э. - I в. н.э. охватывала Монголию. В местечке Судзуктэ, в 100 км. от Улан-Батора были произведены большие археологические раскопки. За полтора года различными методами было вскрыто 24 кургана, получивших название Ноинулинских, давших обильный материал по культуре гуннов. В настоящее время большинство находок из них хранится в уланбаторских музеях истории Монголии, некоторые - в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже. Обилие материалов и отсутствие достаточного количества исследователей этого периода кочевнической истории до сих пор не позволили полностью оценить итоги экспедиции, но огромная археологическая значимость Ноинулинских археологических открытий была понята сразу многими отечественными и зарубежными археологами. Например, еще до завершения раскопок такую высокую оценку им дал С.А. Теплоухов, впоследствии академик АН СССР. Он писал: «Добытый раскопками материал является исключительно ценным по своему научному значению. Он даст нам представление о сношениях народов Запада и Востока в глубокой древности, даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири». Кроме С.А. Теплоухова курировали в научном плане эту экспедицию ленинградские ученые Г.И. Боровко, В.И. Крыжановский и Б.Б. Польшин, которые позже опубликовали ряд статей на ос-

нове полученных в результате раскопок материалов П.К. Козлова.

В этой экспедиции принимал участие Сергей Александрович Кондратьев, в то время один из самых молодых ее членов, впоследствии ученый, востоковед, музыкант, музыковед, астроном, этнограф, проживший интересную, богатую духовную жизнь, но оставшийся, по воспоминаниям современников, до конца своих дней удивительно сдержанным, скромным, дисциплинированным и честным человеком, не страждавшим больших наград, не занимавшим никогда высоких постов, но человеком искренней души и доброго сердца. С.А. Кондратьев был ученым широчайшей эрудиции, неутомимым исследователем Монголии. Оценка его научного наследия и творческой личности отечественной историей науки пока не дана. В сферу его научных интересов входили музыкальная фольклористика, этнография, археология, метеорология, география, а в творческой личности переплетались такие, казалось бы, несовместимые интересы, как шахматы, охота, природоведение, фотография, и чем бы он ни занимался, во всем доходил до высокой степени профессионализма.

В творческом пути С.А. Кондратьева отчетливо видны два этапа. Первый из них, связанный с активной научной деятельностью в Монголии, начался с участия в экспедиции (1923-1926 гг.), организованной Русским Географическим обществом и возглавляемой П.К. Козловым, после окончания которой С.А. Кондратьев остался работать в Ученом Комитете Монголии.

В экспедицию П.К. Козлова С.А. Кондратьев, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, отслуживший два года в армии, был взят в качестве собирателя музыкального фольклора монголов. Результатом его работы в этом направлении стал ряд статей и монография «Музыка монгольского эпоса и песен». Однако так сложилось, что в экспедиции на него было

возложено также ведение раскопок Ноинулинского кургана, а затем - проведение географических исследований Хентейских гор.

Находясь в Монголии, С.А. Кондратьев организовал метеорологическую станцию. Свои наблюдения и обобщения он отразил в статьях о климате ряда районов Монголии. Есть у исследователя научные статьи и по географии этого региона.

Будучи хорошим шахматистом, он изучил игру в шахматы у монголов и напечатал об этом несколько статей.

В 60-е годы вышла книга С.А. Кондратьева «Необычные случаи на охоте и рыбной ловле», где автор раскрывается не только как охотник и рыболов, но и как тонкий натуралист, умеющий чутко слушать и понимать природу, бережно и честно к ней относиться.

Во вторую же половину жизни С.А. Кондратьев сосредотачивается главным образом на музыке, хотя и здесь поле его деятельности широко: от композиторской работы по оформлению спектаклей в Московском Малом драматическом театре до переводческой деятельности. Его переводы Р.В. Уильямса «Становление музыки» и Б. Шоу «О музыке и музыкантах» свидетельствуют о прекрасном знании английского языка и о безукоризненном стилистическом чутье.

В 50-е годы появляются его сборники «Валдайские песни», «Орловские песни», «Народные якутские песни», «Коми народные песни», где он выступает страстным собирателем и интерпретатором музыкального фольклора.

Возможно, на своеобразии его творческого пути отразилась противоположность интересов самых близких людей, которые играли большую роль на начальном периоде становления его индивидуальности. Будучи племянником композитора А.П. Аренского, он воспитывался в музыкальной атмосфере, созданной его матерью (урож. Аренской), а под влиянием отца, главного астронома Пулковской обсерватории А.А. Кондрать-

лиричного, прозорливого автора записей. Его дневники - это не только подневная запись событий и встреч. Они отражают богатейший духовный мир русского интеллигента начала XX в., беспокойное брожение образованнейших людей своего времени, несвободных от пристрастий прошлого, связанных с идеалами рыцарства, но в то же время устремленных в будущее, имеющих громадный душевный потенциал, силу духа и свои четкие представления о долге, морали, чести.

Не так много написано о С.А. Кондратьеве. Послесловие Л. Лебединского к книге «Монгольский музыкальный эпос и песни», вышедшей в 1970 г., содержит главным образом характеристику автора как собирателя, издателя народных песен, переводчика музыковедческих работ. Но его музыкальные вкусы, пристрастия остались в тени. Не нашли печатного воплощения и воспоминания племянника С.А. Кондратьева - Владимира Александровича Кондратьева – профессора Санкт-Петербургской консерватории. Экземпляр записей этих воспоминаний находится в музее П.К. Козлова в Санкт-Петербурге. Из них можно узнать, что С.А. Кондратьев оставил после себя «значительное вокальное наследие», им был написан целый ряд камерных, инструментальных, фортепьянных музыкальных произведений: баллады, концерты. Сам он играл на рояле и флейте, и хотя он не был профессионалом, его творчество и исполнительская деятельность «имеют большое значение для музыкальной культуры страны». "С.А. Кондратьев имел своеобразный вокальный стиль, который выражался в непризнании новаторства." Этот стиль проявился уже в самом раннем его произведении «Ре минорной балладе», исполнявшейся, кстати, профессиональной пианисткой - его тетей С.Н. Аренской (младшей сестрой известного композитора А.С. Аренского).

Он предпочитал Ф.Й. Гайдна В. Моцарту, особенно ценил баллады из фортепьянных сочинений Э. Грига. У него дома были клавиры всех опер Р. Вагнера. Самой любимой из них

была опера «Парсифаль». С.А. Кондратьев высоко ценил также «Леди Макбет Мценского уезда» Д.Д. Шостаковича.

«Это был строгий, даже суровый человек, с точным порядком дня. Вставал поздно, поздно ложился, работал ночью. Одна из черт его - выдержанный характер». «Чувство надо обуздывать»- было его жизненным кредо... "Он никогда не повышал голос, даже если его что-то раздражало и возмущало... Собеседника не прерывал. Был всегда корректен и вежлив... иногда спрашивал мнение о своих сочинениях, причем никогда не требовал восхищения или поклонения. Его интересовала истина, никогда не обижался на критические отзывы. С интересом выслушивал их. В своих симпатиях и антипатиях был постоянен. Нельзя было чем-то подкупить его, он пользовался в Союзе композиторов большим уважением и почтением. Ценил Пушкина, Достоевского, Толстого, Баратынского, Гумилева, Шоу», - такую характеристику давал С.А. Кондратьеву его племянник. И далее: «Он был сумрачным человеком, меланхолично смотрящим на мир, и только к концу жизни он становится теплее и теплее. Любимым философом его был Шопенгауэр. Его очень стройная система мыслей и взглядов не соприкасалась с марксистско-ленинской философией. Один из его афоризмов был «Мир плохо устроен». Интересовался восточной философией. Порядочен. Высоконравственный человек. В высшей степени тактичен. Давая рецензии на что-либо, считал, что надо подчеркнуть положительные стороны исполнения. Заботился о благополучии сыновей сестры. В 1943 г. приютил их у себя в Москве". ("Архив музея П.К. Козлова. Дело №10").

Такая же цельная личность вырисовывается и из воспоминаний А.Л. Никитина, выпустившего в 1996 году небольшую книжку стихов С.А. Кондратьева 20-40-х годов. В предисловии А.Л. Никитин дает блестящую характеристику и самих стихов и их автора: "Взыскательный критик отыщет в них погрешности стиля, неточности в размере и рифмах, недоработ-

ки, однако не они определяют наше к ним отношение. В этих стихах встает яркая, многогранная, обуреваемая страстями и порывами личность, и во всем - устремления вперед и ввысь - в преодолении физических ли препятствий, духовных ли исканиях, в любви или в реализации своей миссии на земле".

Такой был С.А. Кондратьев везде: и в Монголии и после. Стихи через лирических героев - поэтов, мудрецов, странников, воинов - выражают собственное отношение к жизни. Они любят, расстаются с любимыми, вдохновленные молитвами, отправляются на правое дело. Их стремление – "найти средь буден обетованный храм", в их сердцах "любовь и тоска пылают неугасимым огнем", судьбою им дан "страннический путь", в котором видит поэт и "горечь и соль земную", и "красу печальной Земли", и "Сияние горного края". Единственное, что он просит у Неба - найти "разгадку вековечной тайны" этого страннического пути, когда "неведомо куда волшебными ведет лучами вот эта синяя звезда", подвластная "души томленью".

Ко времени пребывания С.А. Кондратьева в экспедиции П.К. Козлова относятся пять стихотворений, поэма "Гава" и баллада «О страннике, мудреце и поэте». Можно проводить параллели между его поэмой «Гава» и одноименной поэмой Н. Гумилева. Из дневников С.А. Кондратьева мы видим, что он читал это произведение. Но скорее мы здесь замечаем сходство по форме. Что же касается поэтики, образов, всего аромата произведения, оно несомненно навеяно чисто монгольскими реалиями. Остается загадкой, как этот молодой человек никогда ранее не бывавший в Азии, незнакомый с кочевнической культурой, хозяйством, основанном на охоте и скотоводстве, с традициями, пропитанными дошаманскими культами, шаманскими и буддийскими верованиями, мог так глубоко почувствовать суть поэтики, единения человека с природой, в их обоюдном естестве, в ощущаемом человеком органичном единстве с нею, почувствовать суровость и покой, решительность и сентиментальность, что составляет основные традиционные

черты характера монгола. В дневниках нет никаких упоминаний о знакомстве им с монгольским эпосом, с поэмами: «Гэ-сэр», «Хан Харанхуй», «Дуутай Мондор» или с какими-либо другими, да и не мог он их тогда знать, так как начало их собирания и изучению было положено лишь бурятскими учеными Жамцарано Ц.Ж. и Барадийном Б.Б., а также российским монголоведом А.Д. Рудневым в начале XX века. В русском же переводе они вышли достаточно поздно - в 60-е годы. С.А. Кондратьев ощутил и транслировал ту поэзию, которая живет явно и материально на монгольской земле. Она оказалась доступной ему благодаря природному тонкому чутью, развитому музыкальными занятиями слуху, оказавшемся способным воспринять вибрации, идущие от скалистых ущелий, кристально чистых холодных горных рек, мягких очертаний серо-коричневых сопок с зелеными пятнами лесов, которые он так прекрасно воспел в своих стихах. С.А. Кондратьев прекрасно уловил поэтику образов и взял верный размер стиха - анапест, самый спокойный, строгий, вместе с тем напряженный, не позволяющий расслабляться, а направляющий и влекущий к доминанте на конце слова, строки, стиха, всей поэмы. Суть поэмы «Гава» прекрасно понял Ц. Жамцарано. Дневники С.А. Кондратьева сохранили весьма благожелательный отзыв ученого об этой поэме. Нельзя не согласиться с ним. В дневниках сохранились также различные варианты набросков, видна вся творческая лаборатория, которая еще раз показывает С.А. Кондратьева как человека крайне дисциплинированного, умеющего управлять своими страстями, вмещать их в прокрустово ложе суровой необходимости, работающего по четкому, данному самому себе заданию, судящего себя самым честным и бескомпромиссным судом. Довести дело до конца - аксиома его жизни и творчества.

«Он был мобилизован после второго курса на военную службу, окончил курсы прапорщиков, и с 1916 по 1918 гг. служил орудийным во втором дивизионе 1 Запасной тяжелой ар-

тиллерийской бригады, стоявшей в Гатчине, а с 1919 по 1921 гг. преподавал на командных курсах Красной Армии в г. Воронеже», так пишет о его юности А.Л. Никитин. Закончить естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета смог после демобилизации в 1922 г. Был зачислен в экспедицию П.К. Козлова в 1923 г. в возрасте 27 лет, вполне сформировавшимся человеком, прошедшим службу в армии, женатым. Его жена, Мария Ивановна Клягина-Кондратьева последует за ним в Монголию несколькими годами позже. Она станет его верной спутницей в экспедициях. Так же как и Сергей Александрович, она будет увлечена этой своеобразной страной: займется монгольской архитектурой, напишет ряд научных статей по юрточным и монастырским постройкам. Возможность заниматься этнографией, культурой и искусством Монголии ей дало прекрасное образование, которое она получит в ЦИЖВЯ (Центральный Институт живых восточных языков) на индийском отделении, где она училась на момент встречи с Кондратьевым.

ЦИЖВЯ возник в 1920 г. на основании постановления Совнаркома, он находился в ведении Наркомпроса, Наркомнаца, Наркоминдела, в правах был приравнен к специальным военно-техническим ВУЗам, с принятием на довольство и размещался в здании бывшей военно-юридической Академии на набережной Мойки 96 (А.Н. Кононов и И.И. Йориш Ленинградский Восточный институт. - М., 1977. - С 19). К преподаванию в институте были привлечены лучшие силы Петрограда, востоковедного центра страны. Занятия велись профессорами и академиками с мировыми именами, известными путешественниками, специалистами по истории и этнографии Центральной Азии, такими как В.М. Алексеев, Н.И. Конрад, В.Л. Котвич, С.А. Козин, Гр.Ев. Грум-Гржимайло. Индийские языки преподавали Ф.И. Щербацкой - первая величина тогдашней индологии, знаток многих языков, философии, культуры Индии, а несколько позже - академик С.Ф. Ольденбург. М.И. Кля-

гина изучает урду. Увлекает им своего будущего мужа. Именно этот язык становится их тайным, интимным языком. Дневники С.А. Кондратьева хранят полные любви, нежности страницы текста на урду к своей жене.

Напряженная, богатая духовная жизнь С.А. Кондратьева в доэкспедиционный период проявляется в разнообразии его интересов, увлечений, окружении людьми, причастных к миру науки, культуры, музыки, театру. Получив лишь домашнее музыкальное образование у своей матери К.Н. Кондратьевой (настолько высокое, что давало ему возможность поступить в консерваторию, как пишет Никитин, С.А. Кондратьев не раз в своей жизни обращается к музыкальному творчеству: и до Монголии, и после он работал в московских театрах, занимаясь музыкальным оформлением спектаклей. Первой большой его работой был спектакль «Укрощение строптивой» по В. Шекспиру, поставленный весной 1923 г. на сцене Первой студии МХАТ. Тогда же он был принят в Союз драматических и музыкальных писателей в Москве. Так что его зачисление в монголо-тибетскую экспедицию, возглавляемую П.К. Козловым, в качестве научного сотрудника по сбору, изучению монгольской музыки и песен, было естественно. Насколько он постоянно был полон музыкой, музыкальными образами, звуками, дают представление его экспедиционные дневники. Они пестрят нотными записями экспромтов, возникшими неожиданно для его самого, отрывками из любимых музыкальных произведений, воспроизведенных по памяти, набросками новых замыслов, аккомпанементов романсов и частушек. Он слышит музыку в стуке колес и в чтении вслух монгольскими чиновниками указов в присутственных местах, сочиняет песни, импровизируя строй народной музыкальной песни, учит и исполняет вещи из репертуара своих информантов.

По дороге в Монголию он не упускает ни одного случая сыграть на музыкальном инструменте: он исполняет свои любимые фортепианные произведения знакомому на улице в Ир-

кутске, друзьям Козлова по его предыдущим экспедициям, датчанам из консульства в Верхнеудинске, в общественном клубе на маленьком полустанке, где случилась непредвиденная задержка поезда. Потребность в игре, насыщенность музыкой характерны для его восприятия жизни. Он с одинаковой радостью готов давать уроки вокала, брать уроки игры на флейте, читать доклад на музыкальную тему перед интеллигенцией провинции, исполнять своим "мальчишкам", как он любовно стал называть самых молодых участников экспедиции – К.К. Даниленко и А.Д. Симукова, что-нибудь на гитаре или мандолине, разучивать с ними новые произведения. Репертуар фортепьянных пьес, которые он исполняет на импровизированных концертах, а затем педантично записывает, по уровню – консерваторский, и состоит из концертных вещей того времени. Почти всегда звучат фрагменты из любимого вагнеровского "Парсифаля".

В Монголии, со всей страстью, присущей ему, он начинает изучать и записывать монгольский музыкальный фольклор, собирать музыкальные инструменты. Ц. Жамцарано, сам большой любитель старины и собиратель монгольской народной литературы, о котором российский монголовед А.Д. Руднев писал в свое время, что "он собрал такое изумительное количество образцов монгольского народного фольклора, которое кажется до него никто не собирал", найдя в С.А. Кондратьеве единомышленника по увлечению, создает ему благоприятные условия для записи монгольской музыки и песен. Он знакомит его с самыми выдающимися монгольскими певцами того времени, такими как Дугаржаб, ставший впоследствии ведущим басом в монгольском оперном театре.

Он устраивает непринужденные встречи как с профессиональными импровизаторами-исполнителями, так и с простыми людьми, любящими петь. За осенне-зимний сезон, который провел Кондратьев в Улан-Баторе до отъезда экспедиции в Судзуктэ на место раскопок гуннских курганов в марте

1924 г., он записал около 200 монгольских песен и наигрышей, которые впоследствии легли в основу его книги. Материал собирался легко, с увлечением, быстро, наслаиваясь на приятные личные контакты с новыми людьми, на расширяющийся круг знакомств в художественно-музыкальной сфере зарождавшейся новой монгольской интеллигенции. Кондратьев назовет период октябрь-ноябрь 1923 г. исключительно благоприятным для занятий по сбору монгольского фольклора. Он встречался с "министрами, милиционерами, владельческими князьями, мясниками, школьниками, княгинями, солдатами". Жамцарано приглашал на встречи с Сергеем Александровичем людей, временно находящихся в Урге, жителей разных районов Монголии с тем, чтобы Кондратьев получил возможность знакомиться с музыкой различных монгольских племен.

Он записывал напевы непосредственно с голоса или с инструмента, повторяя записанное вместе с исполнителем. Некоторые мелодии фиксировал на фонографе дисковой системы "Патепостер". Статья С.А. Кондратьева о работе по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге, в которой автор дает определение вокальных качеств и палитры нюансов голоса монгольских исполнителей, мелодии, перечисляет монгольские инструменты, была одной из первых работ подобного рода. Коллекция музыкальных инструментов, собранная им, среди которых есть морин-хур, ятага, шанза, хучир, находится в настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (Кунсткамера).

К этому же времени относится статья С.А. Кондратьева о монгольских шахматах. Сам он был заядлым шахматистом. Не прочь был провести за игрой с хорошим партнером целый вечер. Очень ценил сильных соперников, видно было, что он испытывал не только моральное удовлетворение от выигранной партии, а получал эстетическое и психологическое удовольствие от процесса игры. Сочетание подобных дарований в человеке отнюдь не парадоксально. Шахматистов и музыкан-

тов сближает, как известно, комбинационная способность, одинаково необходимая и тем и другим. Увлечение шахматами было распространенным явлением в среде русских музыкантов. Страстными шахматными болельщиками были А.К. Алябьев, Н.Л. Римский-Корсаков. С.И. Танеев неоднократно устраивал шахматные турниры с Л.Н. Толстым. Желанным партнером для А.Н. Скрябина был А.Б. Гольденвейзер... Несомненно, существует стиливая связь между игрою в шахматы и игрою на фортепиано, суть которой - в освобождении от запоминания и поиски правил, которые могли бы дать "итоги тысяч и десятков тысяч вариантов". И музыкантом и шахматистом движет стремление действовать творчески, не заученными пассажами, а разрабатывать новые ходы, хотя и в жесткой системе правил. Обе стороны имеют единую психологическую основу, им свойственны единые движения сердца и ума: романтические вдохновенные порывы, оригинальные решения, неожиданная трактовка, отточенность, тончайшая продуманность действий, тонкий расчет и в то же время спонтанность, граничащая с импровизационностью.

Аналитический ум С.А. Кондратьева был страстен, а романтизм - рассчитан и продуман. Больше всего эти его качества проявлялись во взаимоотношениях с природой, в том, какой он её видел. Природа Монголии не могла оставить равнодушным Сергея Александровича. Уже по дороге его поражают серебристые воды Ангары, необычно толстые облака на границе с Монголией, сопки, покрытые лесом, уходящие за горизонт, яркое синее небо. Позже, через несколько лет, вернувшись к своим дневникам, он пометил красным карандашом все свои описания природы. Их набралось более двух десятков. В его дневнике они находятся на страницах: 23, 24, 31, 34, 35, 50, 71, 79, 169, 171, 179, 180, 183, 291, 293, 312, 314, 315, 321, 326, 333, 338. Все они говорят о глубоко лиричном, тонко чувствующем природу человеке, который может долго с любовью и терпеливо наблюдать её, чтобы она раскрыла ему свой мир.

тайны, жизнь. Его цепкий ум и большая душа многое видели в жизни природы, а профессиональное образование естествоведника позволяло анализировать свои наблюдения. В дневниках отражена не только природа Монголии, но и богатство животного мира края. Сергей Александрович был не только натуралистом, но и охотником, рыболовом. Свое увлечение он пронес через всю свою жизнь. В книге "Необычные случаи на охоте и рыбной ловле" собраны воедино все интересное, что с ним происходило не только в Монголии, но и на берегу Черного моря, в Поволжье, на Дальнем Востоке, где он путешествовал позже.

Некоторые описания природы в этой книге он взял из дневников. Иногда они представляют собой научно-точную фиксацию состояния различных ландшафтов, атмосферы, описания промысловой фауны, но чаще в них привнесён человеческий фактор: автор рассказывает о взаимоотношении человека с природой.

С.А. Кондратьев, кажется, исходил вдоль и поперек все северные горные области страны: был на Алтае, Саянах, в Забайкалье, прекрасно знал всю западную часть - Хангай, и восточную - Хентэй, пил воду из Иро, Хары, Орхона и Керулена, бродил в глуши замшелых лесов, взбирался по осыпям горных хребтов, прикрытых островками кедрового сланца, наблюдал замысловатые петли рек на дне долин, поднимался на многоярусные береговые террасы, которые были свидетелями изобилия и щедрости в предшествующие геологические периоды, пересекал травянистые "увалы" и лесистые "покати", вдыхал пряный, смолистый аромат даурского рододендрона и наблюдал... изучал... Двигателем всего было, как он сам признавался, "чувство стремления в неизвестное под напором расцветающих сил". Именно это состояние, очевидно, позволяло ему увидеть косуль так, как он описал их в своей книге: "Они мчались длинными летящими прыжками, с изумляющей легкостью. Казалось, их тела были наполнены воздухом, а не мускулами и

костями. Видны были их точеные ноги, стройные шеи, высоко поднятые гармоничные головы. Эта воздушная скачка заворачивала".

До Монголии Сергей Александрович был знаком с нарезным оружием. Поэтому перед вступлением в Монголию, когда экспедиция задержалась на полтора месяца в Троицкосавске, П.К. Козлов организовал для членов экспедиции учебные занятия, поскольку хорошо помнил о возможных встречах в Тибете с шайками разбойников. Каждый день он обязал всех ходить на стрельбище и палить по мишеням из разных положений, чтобы поднатореть в этом деле. Все эти навыки оченьгодились впоследствии: было собрано большое количество экземпляров животных из различных мест Монголии для музейных коллекций. Кроме того, охота кормила и разнообразила рацион членов экспедиции. О первой охоте в январе 1924 года через тридцать лет напишет Кондратьев, что ничего не истерлось из памяти «ни густая синева над оснеженными горами, ни голубые тени в ложбинах, ни темная зелень сосен, ни их рыжие как солнце стволы, ни легконогие порхающие звери... и столб снежной пыли над тихой поляной». Дневники С.А. Кондратьева позволяют коснуться еще одной деликатной темы, которая глухо и незримо присутствовала во всем, что касалось последних лет жизни П.К. Козлова и тянулась как шлейф вплоть до самой смерти Елизаветы Владимировны Козловой-Пушкаревой. Изданные ею дневники П.К. Козлова в 1949 г. эту тему не только не раскрывают, но всячески снимают возможность ее существования.

Честное и бескомпромиссное перо Кондратьева зафиксировало драму, которая могла быть тонко спланирована определенными заинтересованными кругами, с целью вывести из строя путешественника, научная ориентация действий которого не очень согласовывалась с планами Политбюро Советской России и Дальневосточного Секретариата Коминтерна. Параллельно с экспедицией П.К. Козлова готовилась "секретно-

рекогносцировочная экспедиция", имевшая чисто политические задачи - установление контактов с Далай Ламой. Эта операция была успешно проведена: С.С. Борисов, бывший коминтерновец, сотрудник Восточного отдела НКВД благополучно достиг со своим отрядом тибетской столицы 1 августа 1924 г. За спиной офицера старого режима, имевшего широкие контакты и взгляды, не всегда приветствовавшиеся новым правительством в Москве, происходила сложная игра, плелись хитроумные интриги. 63х-летнему П.К. Козлову, который был счастлив во втором браке со своей молодой женой – Елизаветой Владимировной, самый сильный удар можно было нанести именно со стороны личной жизни. Это и было сделано весной 1924 года, по возвращении его из Москвы в Монголию в Судзуктэ, где работала тогда экспедиция и где часть зимы провела Елизавета Владимировна. Главными действующими лицами в этой, возможно, срежиссированной кем-то пьесе, оказались Кондратьев, Козлов и Козлова-Пушкарева.

Дневники Кондратьева подробно передают события этих нескольких драматических дней, когда каждый из них нашел в себе силы открыто и мужественно разобраться в ситуации, понять, простить и сберечь самое ценное - человеческие отношения и уважение друг к другу. Кондратьев оставался другом Елизаветы Владимировны всю свою жизнь, свидетельством тому - несколько папок писем, хранящиеся в музее-квартире П.К. Козлова в деле № 10.

Может быть, в контексте современной жизни и настроении общества его сентенции, записанные в Дневниках, такие как: "жизнь всегда тревожна, смерть отрадна", "любовь к фортепьяно мне привили искусственно", "и все-таки всегда отрадно помнить о смерти", "жизнь создает творчество, а не творчество создает жизнь", "мы позабыли своих учителей", - звучат неожиданно, но они говорят о его высочайшей духовности и напряженной работе мысли. Кульминационным событием своего духовного роста он считал январь 1922 г. Разгадать, что же

произошло тогда, возможно, удастся будущим исследователям. Но уже сейчас его слова "Каждый мерит мир своей душой", звучат как эпитафия ко всей его честно прожитой жизни.

Авторы, подготовившие настоящее издание, приносят благодарность всем, кто предоставил нам возможность познакомиться с Дневниками С.А. Кондратьева и оказал помощь при подготовке их к изданию: зав. фотоархивом Института материальной культуры РАН - Г.В. Длужневскую – за доброжелательность и искреннюю заинтересованность в скорейшей публикации Дневников; с.н.с. СПбФ ИВ РАН Сектора Южной и Юго-Восточной Азии Селиванову Т.П. - за перевод писем Кондратьева, адресованных М.И. Клягиной-Кондратьевой, написанных на урду; с.н.с. музея-квартиры П.К. Козлова А.И. Андреева и н.с. Т.И. Юсупову – за помощь в атрибуции собственных имен, встречающихся в Дневниках, и всех, кто оказался причастен к этому изданию.

И. Кульганек.

Resume

Sergey Aleksandrovich Kondratiev - the man of the large erudition and broadest scientific outlook - musicologist, archaeologist, ethnographer, one of the youngest participants of P.K. Kozlov expedition in Mongolia (1923-1926). He was taken in the expedition as the collector of musical Mongolian folklore. But he became the actual chief of excavation of the Hun's mounds.

The hand-written diaries of his travels represent a fascinating narration about life of the Mongols, their ethnography and culture. Besides they are the unique written certificate offered to the reader, where the life of expedition in the difficult historical period for Russia and Mongolia, mutual relations of its participants are described from the point of view of the thin, clever, perspicacious and deeply thinking man, what was S. A. Kondratiev.

Diaries are read very easy and with the large interest. They are designed on archaeologists, historians, mongolists, and also for the widest layers of the reader.

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов.
Выпуск 3
«Каждый мерит мир собственной душой»
Дневник С.А. Кондратьева,
участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию
(1923 – 1926)

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 02.01.2000. Подписано в печать 29.02.2000.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 18.0. Уч.-изд. л. 16.5.
Тираж 200 экз. Заказ 35.

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Редакционно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
~~121019~~ Москва, ул. Знаменка, 12